

Научная статья

УДК 81'36 + 81'37 + 811.511.142
DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-264-290

**Локализаторы как средство выражения
пространственных отношений
в сургутском диалекте хантыйского языка**

Илья Михайлович Плотников

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

iliaplotnikov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6416-689X>

Аннотация

Локализаторы рассматриваются как элемент системы средств выражения пространственных отношений в сургутском диалекте хантыйского языка. Инвентарь из десяти типов локализаторов проанализирован с точки зрения соотношения между их структурой и семантикой. Показано, что локализаторы разных типов служат для выражения предметного участника пространственного отношения (опоры локализации) и значимых аспектов самого отношения (топологического и динамического). Эти аспекты чаще всего выражаются отдельно: топологический — специализированными именными и наречными основами, динамический — серией словообразовательных и словоизменительных аффиксов.

Ключевые слова

пространственные отношения, локализатор, сургутский диалект хантыйского языка

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН ИФЛ СО РАН (FWZU-2026-0004: «Структура, семантика и прагматика языков

© Плотников И. М., 2026

Сибири и Дальнего Востока: документация и систематизация лингвистических явлений в рамках корпусного подхода»).

Для цитирования

Плотников И. М. Локализаторы как средство выражения пространственных отношений в сургутском диалекте хантыйского языка // Критика и семиотика. 2026. № 1. С. 264–290. DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-264-290

Locational phrase as a means of expressing spatial relations in Surgut Khanty

Иля М. Plotnikov

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

iliaplotnikov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6416-689X>

Abstract

The paper is concerned with examining locational phrases (localizers) that constitute a common structural component of all spatial sentence types in Surgut Khanty. As a result of surveying a corpus mainly consisting of folklore and fictional texts, as well as an experimental study, 10 types of locational phrases have been identified, each characterized by specific properties in terms of structure, semantics, and their interaction.

From the point of view of semantics, these phrases tend to express three components of spatial situation: one of its participants (reference object) and two aspects of the relation it is involved in characterizing the position occupied by objects in relation to each other (topology) and its transformation with time (dynamicity). Although these meanings may be expressed by distinct morphological components of a locational phrase as exemplified by noun phrases with serial postpositions, there are cases in which some of them are implicit or combined within one morpheme with the expression of dynamic aspect being the most regular. In terms of L. Talmy's typology, this suggests that locational phrases are used to encode at least some aspects of Path, which corresponds to the topology and dynamicity in our analysis.

The expression of spatial relationships is achieved by two types of specialized structural components, which are often used in combination: 1) stems that primarily denote basic types of topology; 2) derivational and inflectional affixes, most notably associated with morphological cases, which constitute uniform series of oppositions across several types of locational phrases.

Keywords

spatial relations, locational phrase, Surgut Khanty

Acknowledgements

This research was conducted within the framework of the state assignment for the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (FWZU-2026-0004: “Structure, Semantics, and Pragmatics of Languages of Siberia and the Far East: Documentation and Systematization of Linguistic Phenomena within a Corpus-Based Approach”).

For citation

Plotnikov I. M. Locational phrase as a means of expressing spatial relations in Surgut Khanty. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2026, no. 1, pp. 264–290. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-264-290

Широкий интерес к языковым средствам, задействованным в выражении пространственных отношений, обусловлен тем, что в них отражается то, как люди вообще и носители конкретных языков в частности концептуализируют окружающее их пространство. Центральное место пространства в восприятии человеком действительности также определяет высокий потенциал этих средств как базиса для концептуализации других аспектов бытия, таких как время и явления социальной, психической и интеллектуальной сфер.

В многочисленных работах, посвященных средствам выражения пространственных отношений [Кибрик, 1970; Talmy, 1975, 2000; Арутюнова, Ширяев, 1983; Svorou, 1994; Серээдар, Скрибник, Черемисина, 1996; Levinson, 1996; Мельчук, 1998; ТФГ; Грамматикализация..., 2002; Невская, 2005; Creissels, 2006, 2008 и др.], представлено широкое разнообразие терминологических систем, отражающих разные подходы к этому объекту. В данной статье параметры организации пространства, выделяемые в разных типологически ориентированных подходах, рассматриваются через призму структурно-семантического синтаксиса в соответствии с традициями Новосибирской синтаксической школы [Серээдар, Скрибник, Черемисина, 1996; Соловар, 2009; Кошкарева, 2018].

Средства выражения пространственных отношений в любом языке многообразны и охватывают широкий круг аспектов его устройства в области лексики, морфологии и синтаксиса. С точки зрения структурно-семантического синтаксиса ключевым средством выражения пространственных отношений является ряд предложений с бытийно-пространственной семантикой (бытия, движения и перемещения). В структуре этих

предложений выделяется общий компонент, который мы будем называть локализатором. Этот компонент соотносится с одноименной семантической ролью и является носителем широкого круга пространственных значений.

В рамках настоящего исследования мы рассматриваем функционирование локализатора как фрагмента системы средств выражения пространственных отношений в сургутском диалекте хантыйского языка (СДХЯ). Эта система не становилась до настоящего момента объектом отдельного исследования, хотя частные ее аспекты затрагиваются в работах Н. Б. Кошкаревой [2005, 2018] и В. Н. Соловар [2009, 2018, 2024 и др.] в контексте сопоставления с другими диалектами хантыйского языка и языками сибирского ареала. Анализ проводится с опорой на грамматику СДХЯ М. Чепреги [2017], в которой представлена общая характеристика его морфологической системы. Исследование выполнено на материале корпуса фольклорных и художественных текстов (12 400 высказываний) с привлечением полевых данных.

1. Компоненты семантического устройства пространственной ситуации

Прежде чем перейти к локализаторам СДХЯ, определим ключевые понятия, которые мы используем при анализе их семантики.

Поскольку пространство мыслится как включающее бесконечное множество предметов и явлений, выражение пространственных ситуаций в языке, как правило, охватывает только определенные аспекты их организации, релевантные с точки зрения задач коммуникации. В центре нашей интерпретации семантики пространственных предложений лежит представление о *пространственном отношении* (или *отношении локализации*), т. е. отношении между двумя предметами, заданном в пространстве. План выражения любой синтаксической единицы с пространственной семантикой может быть репрезентирован в виде набора пространственных отношений и фоновых событий, сопровождающих или обуславливающих их. Например, так называемое *направленное движение* («X движется из А в В») является устойчивым семантическим комплексом, в котором отслеживается отношение между предметом X и двумя обычно неподвижными А и В, опосредованное движением X, причем суть самих отношений не зависит от, например, способа, которым осуществляется движение

(«X бежит из А в В», «X летит из А в В»), или внешних воздействий, его мотивирующих («X несут из А в В», «X просят пройти из А в В»).

Результатом восприятия высказываний, в которых реализуются синтаксические единицы с пространственной семантикой, является формирование целостного образа, который может быть условно назван *пространственной ситуацией*. Этот образ складывается из совокупности отношений между предметами, их частями, окружающей их средой, наблюдателем, участниками коммуникации, универсальными ориентирами и т. п., которые эксплицитно кодируются языковыми средствами или достраиваются на основании контекста коммуникации. Как показывают многочисленные исследования в области типологии, разные структурные компоненты высказывания могут выступать как носители разных фрагментов этого образа.

1.1. Участники (релянты) отношения

Отношение устанавливается между двумя его участниками (релянтами). Участники отношения в данном случае понимаются широко: это могут быть как конкретные предметы действительности, так и, например, элементы условной координатной системы или фрагменты пространства, выделяемые на основании происходящих в нем событий. Такие пары участников регулярно выделяются под разными названиями при описании пространственных отношений: *бытующий предмет* и *локализатор* [Арутюнова, Ширяев, 1983, с. 14], *субъект* и *локатив* [Шмелева, 1988, с. 17], *локализуемый объект* и *локализатор* [Серээдар, Скрибник, Черемисина, 1996, с. 12–13; ТФГ, с. 8], *фигура* (англ. figure) и *фон* (англ. ground, reference object) [Talmy, 1975, p. 181; 2000, p. 184], *объект* и *ориентир* [Грамматикализация..., 2002], *локализуемый объект* и *опорный локум* [Невская, 2005, с. 10], *субъект* и *локализатор* [Кошкарева, 2018] и др. В рамках данной статьи мы называем связанные отношением предметы *субъектом* и *опорой локализации*.

В рамках описания семантических ролей в отечественной традиции структурно-семантического синтаксиса, а также в работах Ч. Филлмора и его последователей выделяется несколько ролей, соответствующих опоре локализации, таких как директив-старт (источник, англ. source), директив-финиш (цель, англ. goal) и т. п. Мы рассматриваем противопоставления, лежащие в основе выделения таких ролей, как обусловленные в первую очередь динамической природой самого отношения, см. ниже.

Противопоставление между релянтами, как и в случае других отношений, является в определенной степени условным и в первую очередь связано со свойствами предметов, определяющих их восприятие [Талму, 2000, с. 182–183]. Несмотря на это, в большинстве случаев оно является ключевым для соотнесения семантического устройства высказывания с формальным, так как определяет выбор способов кодирования релянтов.

1.2. Топология отношения

Содержанием пространственного отношения является характеристика положения в пространстве, занимаемого релянтами по отношению друг к другу. Мы называем эту характеристику *топологией* и рассматриваем ее как эквивалентную *ориентирующему значению* по А. Е. Кибрику [1970] и *граммам локализации* по И. Е. Мельчуку [1998, с. 53–54]. Топология образует в сочетании с опорой целостный семантический комплекс, обозначающий фрагмент пространства, заданный относительно опоры (*область локализации*), или вариант позиционирования субъекта в пространстве. Например, в (1) опорой является печь, топология может быть обозначена как «нахождение на поверхности» (*суперлокация*), а областью локализации является срез пространства на поверхности печи.

- (1) **Кэр ѓвтына пѣльты путэли омэс** (Чепреги, 2015, с. 6).
 кэр ѓвты=нэ пѣльчи пут=эли=∅
 печь верх=ЛОС жир горшок=DIM=NOM
 омэс=л=∅
 сидеть=NPST=SUBJ.3SG
 ‘На печке стоит горшок с жиром’.

1.3. Динамический аспект отношения

Наравне с топологией традиционно выделяются параметры пространственного отношения, характеризующие его изменчивость (ср. *двигательное значение* [Кибрик, 1970], *ориентацию II* [Мельчук, 1998, с. 58–59]), которые мы в данной статье называем обобщенно *динамическим аспектом*. Мы предлагаем рассматривать этот аспект как вторичный по отношению к топологии, поскольку он отражает сочетание пространственного отношения с припропозитивными смыслами (см. [Шмелева, 1988]), а также с состояниями и действиями релянтов и других участников ситуации.

Мы считаем необходимым разграничивать, несмотря на их тесную связанность, *изменчивость* отношения и *подвижность* его участников.

Движение, как правило, рассматривается как необходимое условие изменения пространственных отношений, даже если не всегда выражается эксплицитно (ср. глаголы типа *возникать*, *образовываться*). Тем не менее, наличие движения не гарантирует изменения пространственного отношения к рассматриваемой опоре, если движение происходит в ее пределах или циклично. Аналогичное противопоставление проводит Л. Талми, у которого изменчивость отношения входит в компонент *маршрут* (англ. path), а подвижность отражается в компоненте *движение* (англ. motion/location).

Традиционным для этой сферы является противопоставление между *статикой* и *динамикой*, однако вследствие неразличения изменчивости и подвижности они могут интерпретироваться двояко. В данном контексте мы понимаем под статикой отсутствие значимого движения релянтов в сочетании с неизменностью отношения, а все остальные типы отношений характеризуем как динамические. В области динамики мы используем минимальный набор из трех терминов, применяемый И. А. Невской [2005], в следующих значениях: *делокация* характеризуется разрывом существующего отношения, *адлокация* — установлением нового, *транслокация* — его поддержанием, модификацией или последовательным возникновением и разрывом. Транслокация является неоднородной областью, в которой возможно обособление множества более дробных значений, таких как *движение в замкнутом пространстве*, *движение по трассе* и *ориентированное движение* (ср. глаголы типа *проходить*, *переходить*, *обходить*) [Кошкарева, 2018]. Отдельного рассмотрения требует группа пространственных ситуаций транслокативного характера, в которых наблюдается одновременная подвижность субъекта и опоры локализации. Такая подвижность может сопровождаться разными типами изменений отношения (ср. *преследовать*, *настигнуть*, *оторваться*, *обогнать*). Эти ситуации мы обозначаем термином *координированное движение*.

За рамками настоящего обсуждения остаются семантические компоненты, не находящие отражения в локализаторах СДХЯ, такие как природа движения и способы его каузации.

2. Инвентарь локализаторов СДХЯ

В табл. 1 представлены типы локализаторов, выделенные нами в СДХЯ на основании структурных (из каких компонентов они состоят)

Структурно-семантические типы локализаторов в сургутском диалекте хантыйского языка

Таблица 1

Table 1

Structural and semantic types of locational phrases in Surgut Khanty

Тип локализатора		Модель ¹	Примеры
1	Падежные именные группы	$N^{REF}=AFF^{DIN}$	<i>ɕот=нэ</i> 'в доме' <i>ɕот=а</i> 'в дом'
2а	Послеложные именные группы (серийный послелог)	$N^{REF} POSTP^{TOP}=AFF^{DIN}$	<i>ɕот лəхпи=нэ</i> '(внутри) в доме' <i>ɕот лəхпий=а</i> '(внутри) в дом'
2б	Послеложные именные группы (несерийный послелог)	$N^{REF} POSTP^{TOP}$ и/или DIN	<i>ɕот мəхəлты</i> 'вокруг дома' <i>лэк ɕəвит</i> 'по дороге'
3	Именные группы с пространственным определителем	ADJ^{TOP} <i>пəлэк</i> = AFF^{DIN}	<i>йəɕ пəлэк=нэ</i> 'внутри (букв.: во внутренней части)'
4	Превербы	$PREV^{TOP}$	<i>кэм</i> 'наружу'
5а	Серийные наречия	$ADV^{TOP}=[AFF]^{DIN}$	<i>кэм=эн</i> 'снаружи'
5б	Несерийные наречия	$ADV^{TOP+DIN}$	<i>вəли</i> 'мимо'
6	Первичные наречия-местоимения	$ADV.PRO^{*REF+DIN}$ $ADV.PRO^{*REF+DIN} POSTP^{DIN}$ $ADV.PRO^{*REF+DIN}=AFF^{DIN}$	<i>тəт</i> 'здесь' <i>тəл (сохит)</i> 'отсюда' <i>тəхə, тəхə=нам</i> 'сюда'
7	Вторичные наречия-местоимения	$ADJ.PRO$ <i>тохи</i> $^{*REF}=AFF^{DIN}$ $ADJ.PRO$ <i>сəл</i> $^{*REF}=AFF^{DIN}$	<i>мүв тохи=нэ</i> 'где (букв.: в каком месте)' <i>мəта сəл=нам</i> 'куда-то (букв.: в какую-то сторону)'
8	Комплексные локализаторы	$N^{REF}=AFF^{DIN} ADV^{TOP+DIN}$ и др.	<i>лор=и вəли</i> 'мимо озера'

¹ При записи моделей используются общепринятые обозначения частей речи, а также следующие условные обозначения: AFF — словообразовательный или словоизменительный аффикс, DIN — динамика отношения, TOP — топология, REF — опора локализации. «*REF» означает, что опора выражена косвенно (посредством анафоры или дейкиса).

и семантических (каким аспектам пространственного отношения они соответствуют) признаков. В последующем описании мы остановимся подробно только на тех типах локализаторов, структура которых требует пояснения. Так как предметом данной статьи является соотношение структуры и семантики, то мы не затрагиваем вопросы частеречной принадлежности рассматриваемых единиц, которые во многих случаях являются результатом исторических и актуальных процессов грамматикализации (см. описание некоторых направлений таких процессов в [Creissels, 2008, p. 8–9]).

2.1. Падежные именные группы

Падежные именные группы, выступающие в роли локализатора, принимают формы четырех падежей с первичными пространственными значениями (табл. 2).

Пространственные падежи в СДХЯ

Таблица 2

Spatial cases in Surgut Khanty

Table 2

Название	Сокращение	Аффикс	Динамический аспект
Местный (локатив)	LOC	= <i>нә</i> // = <i>ән</i>	Статика
Направительный (латив)	LAT	= <i>а</i>	Адлокация
Общенаправительный (аппроксиматив)	APPRX	= <i>нам</i>	
Отложительный (аблатив)	ABL	= <i>и</i> (=ы)	Делокация ~ транслокация

Падежная система задает набор динамических оппозиций, аналоги которых прослеживаются и в других типах локализаторов. Характерной чертой этой системы является выделение общенаправительного падежа, употребляющегося в трех типах контекстов: 1) движение к опоре, как правило без вступления в непосредственный контакт с ней; 2) вращательное движение в сторону опоры; 3) статическое расположение рядом с опорой (например, перед или над костром). Эта совокупность значений показывает, что в семантике APPRX сочетаются элементы топологического (неконтактность, осевая ориентация) и динамического характера.

Другим значимым явлением является совмещение у отложительного падежа делокативных и транслокативных значений (*џот=ы* ‘из дома’, *паџџ=и* ‘из его уха’, *лэк=и* ‘по дороге’, *тьорэс=и* ‘по морю’). Такое сочетание показывает, что для СДХЯ, в отличие от многих других языков, характерна сегментация процесса движения не на три, а на две фазы: конечную и неконечную, объединяющую начало и весь последующий процесс движения.

За исключением АРРХ, падежные именные группы не содержат эксплицитного выражения топологии, и потому интерпретация этого аспекта отношения при их употреблении опосредована контекстом и представлением об устройстве опоры. В рассмотренных нами материалах преобладают контексты нахождения внутри опоры (инлокации), однако другие варианты также возможны (ср. *йух=нэ* ‘на дереве’, *йух=а* ‘на дерево’, *йэвэн=нэ* ‘у реки’, *йэвэн=а* ‘к реке’).

Личные местоимения СДХЯ обладают специфичной парадигмой, в которую наравне с перечисленными формами входит специализированная форма дательного падежа, противопоставленная форме направительного: *мантэм* (дательный) — *мантэма* (направительный). Выбор названий этих падежей мотивирован, по всей видимости, соотношением форманта =а с падежным показателем существительных и не отражает их функций, так как, по нашим данным, дательный падеж употребляется как в пространственных, так и в некоторых непространственных контекстах, в то время как направительный падеж встречается только в непространственных функциях: *Өс тэм рутьэт мантэма этэ йэвэллэт* ‘Эти русские мне не верят’ (Сказки, рассказы с реки Лямы, с. 25), *Ма вэлэ нѳуатэна ястэхлэм* ‘Я же тебе говорил’ (Там же, с. 240).

2.2. Послеложные именные группы

Сочетание существительного с послелогом в СДХЯ образует аналитическую структуру, в которой существительное представлено в беспадежной форме, совпадающей с формой основного падежа, ср. *кэр өтынэ* ‘на печке’ в (1).

С точки зрения морфологической организации послелогов СДХЯ неоднородны. Выделяется широкий класс послелогов, называемых *серийными* (см. [Майтинская, 1982]), которые состоят из основы и аффиксов, эквивалентных падежным по форме и функции, например: *өты=нэ* ‘на, сверху’

(LOC) — *өвтый=а* ‘сверху’ (LAT) — *өвтый=и* ‘по поверхности, сверху’ (ABL). Члены такой серии могут трактоваться как связанные словообразовательными (последлоги, образованные от одной производящей основы) или словоизменительными (падежные формы одного последлога) отношениями. Многие такие последлоги образованы от существительных с пространственным значением, например, *җонәү=нә* ‘(находиться) возле’, *җонәү=а* ‘(подходить) к’ < *җонәү* ‘берег, край’.

Противопоставление между серийными и несерийными последлогами не всегда соотносится с их морфологической структурой, так как последлоги, не входящие в серии, регулярно включают форманты, восходящие к актуальным или историческим падежным показателям, например *пыр=и* ‘за’ < *пыр* ‘задняя часть’, ср. последлог *пыр=нә* ‘после’ с темпоральным значением (описание аналогичных последлогов в казымском см. в [Кошкарева, 1996, с. 47–48]).

2.3. Именные группы с пространственным определителем

К этому типу локализаторов мы относим устойчивые именные группы, состоящие из существительного *пәләк* ‘половина, часть, сторона’, принимающего формы пространственных падежей, и определительного компонента с пространственной семантикой. Компоненты, выступающие в качестве определителей в таких сочетаниях, могут как совпадать с основами превербов, наречий (*нум пәләк* ‘верхняя часть’, *ыл пәләк* ‘нижняя часть’, *йәҗ пәләк* ‘внутренняя часть’, *кэм пәләк* ‘наружная часть’) и последлогов (*ким пәләка* ‘мимо’), так и образовываться от существительных при помощи аффикса прилагательных *=әү* (*пыр=әү пәләк* ‘задняя часть’, *пәч=әү пәләк* ‘задняя (букв.: спинная) часть’, *сар=әү пәләк* ‘передняя часть’).

2.4. Превербы

Превербами в хантыйской традиции называют серию разнородных единиц языка, демонстрирующих глубокую формальную и семантическую связанность с глаголами, которые могут рассматриваться как элемент глагольной морфологии или самостоятельная часть речи. Вопрос о месте превербов в системе хантыйского языка остается открытым [Чепреги, 2017, с. 197].

Ядро системы превербов составляет серия лексем с фонетически и морфологически простым устройством, обладающих первичными пространственными значениями: *нѳъ* ‘вверх’, *ыл(э)* ‘вверх’, *йӓкэ* ‘внутри, в дом’, *кэм* ‘наружу’, *нык* ‘вниз, к воде’, *утэ* ‘из воды на берег’, *пэр(т)зи* ‘назад’. В сочетании с пространственными глаголами такие превербы выражают направленность действия в пространстве (*нит* = ‘попасть’ — *нѳъ нит* = ‘встать’), а с непространственными — выступают в качестве показателей грамматических значений (*ли* = ‘есть’ — *нѳъ ли* = ‘съесть’). Кроме перечисленных, к превербам М. Чепреги и В. Н. Соловар относят и другие лексемы, среди которых встречаются явным образом производные, не имеющие первичных пространственных значений, а также некоторые пространственные местоимения. В данном исследовании мы ограничиваем эту категорию перечисленными ядерными превербами и рассматриваем их употребления исключительно в функции пространственных модификаторов.

2.5. Наречия

Большая часть пространственных наречий в СДХЯ, как и послелогов, являются серийными. В качестве производящих основ выступают ядерные превербы, перечисленные в предыдущем разделе, а также некоторые существительные (*сар* ‘передняя часть’, *пыр* ‘задняя часть’, *йир* ‘бок’) и прилагательные (*ван* ‘короткий, близкий’, *кѳв* // *кѳх* ‘длинный, далекий’, *ѳвэр* // *ѳхэр* ‘высокий’).

При образовании серийных наречий (табл. 3) задействованы аффиксы, эквивалентные аффиксам пространственных падежей и превратительного падежа =*уэ*, а также специализированный аффикс =(э)та. Кроме того, многие серии включают позицию, совпадающую с основой, которая употребляется в статических или адлокативных контекстах. Поскольку в сериях, образованных от превербов, отсутствуют наречия адлокативного ряда с аффиксами =*а* и =*уэ*, то мы условно включаем в состав таких серий соответствующие превербы, ср. *кэм* и образованные от него наречия в табл. 3.

Таблица 3

Словообразование серийных наречий в СДХЯ

Table 3

Derivation of serial spatial adverbs in Surgut Khanty

Аффикс	Пример	Динамический аспект
=эн // =нэ	кэм=эн 'снаружи' сар=нэ 'спереди'	Статика
Без аффикса	ван 'близко' кэм 'наружу' (преверб) сар 'вперед'	
=а	сар=а 'вперед'	Адлокация
=хэ	ван=хэ 'ближе'	
=нам	кэм=нам 'наружу' сар=нам 'вперед'	
=(э)та	кэм=элта 'снаружи' сар=элта 'спереди'	Делокация ~ транслокация
=и	йир=и 'сбоку, стороной'	

2.6. Первичные наречия-местоимения

В системе наречий-местоимений наблюдаются противопоставления как по разряду местоимений, так и по динамическому аспекту, выраженные разными частями их основы:

тэт(ты) 'здесь' — *тёт(ты)* 'там' — *зёт(ты)* 'где';
тёт(ты) 'там' — *тёл, тёлжита, тёл сохит* 'оттуда' — *тёхэ // төва*
 'туда' — *тёх(э)нам // төв(э)нам* 'туда'.

По сравнению с другими наречиями, средства выражения оппозиций, обусловленные динамическим аспектом, характеризуются меньшей последовательностью и большей сращенностью с корнем (за исключением =нам). Интерес представляет неустойчивость ряда делокативных местоимений, основы которых *тэл // тэж // чэл* 'отсюда', *тёл* 'оттуда' и *зель // зель* 'откуда' фиксируются в трех разных употреблениях: самостоятельно, в сочетании с аффиксом =(э)та и с делокативным послелогом сохит.

2.7. Вторичные наречия-местоимения

Ко вторичным наречиям-местоимениям мы относим сочетания существительных *тоуи* // *тауи* 'место' и *сёу* 'сторона' в формах пространственных падежей с прилагательными-местоимениями (*чу* 'тот', *мүв* 'какой', *мэта* 'какой-то', *качэу* 'каждый', *пэкэт* 'разный'). М. Чепреги включает примеры таких сочетаний в список неопределенных местоимений [2015, с. 119], однако не рассматривает их как отдельный тип местоимений. По нашим наблюдениям, такие единицы выполняют функции местоимений того разряда, к которому относится использованное определение, являются единственным способом выражения обобщающего значения и составляют значимую альтернативу некоторым малоупотребимым первичным наречиям-местоимениям других разрядов.

2.8. Комплексные локализаторы

Единое пространственное отношение может быть выражено комплексным локализатором, совмещающим две составляющие: основную именную группу и вспомогательную по отношению к ней именную или наречную группу:

- (2) [*Чут пырнэ*] *мөүмузэ* *чэчи* *ванхэ* *йёвэт*... (Три мудрых совета, с. 11).
 мөүмузэ=эл=∅ чэчи=л=а
 внук.POSSM.SG=POSSR.3SG=NOM бабушка=POSSR.3SG=LAT
 ван=хэ йёвэт=∅
 близко=TRANSL прийти=SUBJ.3SG
 '[После этого] внучек к бабушке подошел...' (Там же, с. 13).
- (3) *Мэу дори вэли* *мэнув* (КРХС, с. 54).
 мэу=∅ дор=и вэли мэн=ув
 мы.PL=NOM озеро=ABL мимо идти=SUBJ.1PL
 'Мы мимо озера проехали'.
- (4) *Тю йэвэт* *лүвнэ* *пёуэ* *ивэ* *мэнат* (Сказки, рассказы с реки Лямы, с. 289).
 чу йэв.л=эт=∅ лүв=нэ пёуэ ивэ мэн=ат
 тот стрела=PL=NOM он=LOC бок с идти=PASS.3PL
 'Эти луки-самострелы он (Павел) стороной обошел'.

Употребление наречий типа *вануз* 'поближе', *вйли* 'мимо', *мувты* // *музты* 'через, насквозь' в составе таких конструкций дает основание трактовать их изолированное употребление как результат эллипсиса первой части комплексного локализатора.

3. Место локализаторов СДХЯ в системе средств выражения пространственных отношений

Рассмотрим специфику выражения пространственных отношений отдельными типами локализаторов.

3.1. Опора локализации

Выражение опоры локализации частотно рассматривается как ядерная функция локализатора, о чем свидетельствует употребление терминов типа *локализатор* для обозначения как семантической, так и синтаксической роли. Однако локализаторы, рассмотренные нами, имеют разное отношение к опоре. Эксплицитное выражение опоры локализации получает в падежных и послеложных именных группах, а также в комплексных локализаторах: все они включают последовательность слов, денотатом которой является опора локализации, в сопровождении вспомогательных компонентов, характеризующих само отношение. При употреблении наречий-местоимений определение опоры локализации адресатом обеспечивается за счет анафоры или дейксиса. Превербь, наречия и именные группы с пространственными определителями не содержат непосредственной вербализации опоры локализации, а задают общее представление о типе опоры (поверхность земли, водоем, строение, траектория движения) или ее свойствах (наличие вертикально или горизонтально ориентированных осей). Это представление дополняется конкретными референтами, присутствующими в контексте коммуникации или извлекаемыми из фоновых знаний ее участников. Такие типы локализаторов являются емким способом обозначения ряда устойчивых пространственных ситуаций.

3.2. Топология отношения

В падежных именных группах и наречиях-местоимениях топология представлена только в самом общем виде и достраивается на основании фоновых знаний участников коммуникации. Исключение составляют

формы общенаправительного падежа, которые могут интерпретироваться как характеризующие нахождение вблизи или поворот в сторону опоры. В структуре других локализаторов выражение топологии обеспечивается серией основ (табл. 4), которые занимают относительно ограниченный набор семантических зон. Несмотря на общность набора таких зон, для обозначения сходных пространственных ситуаций используются послеложные и наречные основы разного происхождения, за исключением основ *нөм* ~ *нум*, *ыл(ə)* и *(ө)ут(ə)*.

Таблица 4

Основы, обозначающие топологию отношения в СДХЯ

Table 4

Stems indicating topology of spatial relations in Surgut Khanty

Семантическая зона		Основа послелога	Основа наречия
Вверху/внизу	Вверху	<i>нумпи(й)</i> = <i>өвты(й)</i> = // <i>өуты(й)</i> = <i>пэтə(х)</i> =	<i>нөү</i> =, <i>нөм</i> = <i>өвэр</i> = // <i>өхэр</i> =
	Внизу	<i>ылпи(й)</i> = <i>сай</i> =	<i>ыл(ə)</i> =
Вверху/внизу (относительно водоемов, возвышенностей)	Вверху	<i>(ө)утпи</i> =	<i>(ө)ут(ə)</i> =
	Внизу	—	<i>нык</i> =
Спереди/сзади/сбоку (относительно предмета или движения)	Спереди	—	<i>сар</i> =
	Сзади	<i>пөч</i> =	<i>пыр</i> = <i>пэр(т)хи</i> =
	Сбоку	<i>пөүэ</i> =	<i>йир</i> =
Внутри/снаружи	Внутри	<i>өнт</i> = <i>лэхпи(й)</i> =	<i>йэ(ə)</i> =
	Между	<i>йэчə(х)</i> = <i>күт</i> =	—
	Внутри	—	<i>кэм(ə)</i> =

Окончание табл. 4

Семантическая зона		Основа послелога	Основа наречия
Близко/далеко	Близко, около	<i>ʒучәу=</i> <i>ʒонәу=</i> <i>ким=</i> <i>кимпи(й)=</i>	<i>ван=</i>
	Далеко	—	<i>ʒөв= // ʒөх=</i> <i>иҗ(ә)=</i>

Топология может выражаться также некоторыми несерийными послелогами (см. табл. 5), для которых характерно синкретичное выражение топологического и динамического аспектов отношения. К редким средствам, в которых топология выражается при отсутствии выраженной статики или динамики, относится послелог *мәҗәлты* ‘вокруг’: *эй мәтҗи ʒот мәҗәлты йәуҗиләҗ* ‘кто-то ходит **вокруг** чума’, *тәә мәта тоҗит мәҗәлты тьи вәҗмән* ‘мы жили **вокруг** этого места’.

3.3. Динамический аспект отношения

В системе локализаторов СДХЯ прослеживается сквозная оппозиция четырех вариантов динамического аспекта, выражаемых средствами словоизменения и словообразования (табл. 5).

Наличие этих оппозиций обеспечивает системное противопоставление между тремя вариантами динамического аспекта: статическим, адлокативным и делокативно-транслокативным. Специфику СДХЯ в типологической перспективе составляет неразделение делокатии и транслокации и вычленение вторичного аппроксимативного ряда (ср. [Creissels, 2006], где рассматривается противопоставление статики, адлокации и делокатии как типологический параметр). Обращает на себя внимание тот факт, что локализаторы аппроксимативного ряда находятся в тесной связи с локализаторами лативного ряда, которая выражается в использовании для них общих производящих основ (*нөҗ, нөҗ=нам* ‘вверх’ при *нөм=ән* ‘наверху’, *нөм=әҗта* ‘сверху, через верх’, *тәхә, тәх(ә)=нам* ‘сюда’ при *тәт(ты)* ‘здесь’, *тәҗ (соҗит)* ‘отсюда’) и сочетании их показателей (*ван=хә=нам* ‘близко’, *ʒөҗ=җә=нам* ‘далеко’).

Таблица 5

Средства выражения динамического аспекта отношения в СДХЯ

Table 5

Means of expressing dynamic aspect of localization in Surgut Khanty

Ряд вариантов с точки зрения динамического аспекта	Показатели		
	Падежный аффикс	Аффикс наречий	Основа указательного местоименная
Статический	LOC: =əh // =nə	=əh // =nə	на ...т(ты)
Адлокативный (лативный)	LAT: =a DAT: =эм, =ы(л), =ы(н)	=a =уə	на ...у(ə)
Адлокативный (аппроксимативный)	APPRX: =нам	=нам	на ...у(ə) + =нам
Делокативно-транслокативный	ABL: =и (=ы)	=(əл)та =и (=ы)	на ... л(та)

Локализаторы статического ряда также употребляются для обозначения транслокативной разновидности движения, в ходе которого поддерживается отношение с опорой (5). С этой точки зрения выделения этого ряда форм ключевым параметром является именно неизменность отношения, а не отсутствие движения.

- (5) ...тэми **тѳхал тѳйна** ньѳхэс йӳнзи.л.л (Голоса Югана, с. 80).
 тэми **чѳхал тѳй=нэ** ньѳхэс=∅ йӳнзи.л=∅
 EVID **чувал верх=LOC** соболь=NOM ходить=NPST=SUBJ.3SG
 ‘...на верхушке чувала соболь ходит’.

Специализированным средством выражения пространственных ситуаций этого типа являются составные наречия *тəхə-тѳхə* и *тəхəнам-тѳхəнам* ‘туда-сюда’, обозначающие условные точки, выделяемые в пространстве опоры, между которыми осуществляется циклическое движение:

- (6) [Йәнүк энәл латнә чу мөвәт Ухәт тәй лорнам мәнләт.] **тәхәнам-тохәнам йәнүбилләт** (Три мудрых совета, с. 22).
тәхә=нам-төхә=нам йәнүбилл=л=эт
сюда=APPRX-туда=APPRX ходить=NPST=SUBJ.3PL
 ‘[А по большой воде эти дети плывут в Угутское озеро,] **туда-сюда** плавают’ (Там же, с. 23).

Альтернативным способом выражения динамического аспекта являются некоторые несерийные послелого и наречия (табл. 6). Для таких средств характерна специализация на делокативно-транслокативных типах динамики. В сфере транслокации активно наблюдается совмещение динамического значения с топологическим, особенно в семантической зоне ориентированного движения, где отражается временное нахождение вблизи опоры (*мимо*), внутри нее или между ее частями (*через*).

Таблица 6

Несерийные послелого и наречия, выражающие динамический аспект пространственного отношения в СДХЯ

Table 6

Non-serial postpositions and adverbs expressing dynamic aspect of localization in Surgut Khanty

Динамический аспект	Послелог или наречие	Перевод
Адлокация	<i>мәчә // мөчә</i>	‘до’
Делокация	<i>сохит // сахит // сахәт</i>	‘от, из’
	<i>ныукт=</i>	‘от, из’
	<i>ивәл</i>	‘от, из; по’
Транслокация: движение по трассе	<i>үбөвит // үбүхит // үбөвәт</i>	‘по, вдоль’
Транслокация: ориентированное движение (преодоление или обход преграды)	<i>әләпты // әләпты</i>	‘через, поверх’
	<i>нимпийа</i>	‘через’
	<i>улты // улта</i>	‘через; вдоль’
	<i>тәмпийа</i>	‘через’
	<i>әләмпийа</i>	‘на другую сторону от’
	<i>вәли</i>	‘мимо’
	<i>мәчхә // мөчхә</i>	‘мимо’
<i>мувты // мухты</i>	‘через, насквозь’	

Координированное движение выражается как средствами падежной системы (7–8), используемыми и для других типов движения, так и специализированными средствами: послелогами *йѳт(a)*, *пыри* ‘за’, *йича* ‘навстречу’, провербами *архэ*, *китхи* ‘в разные стороны’, отражающими взгляд на пространственную ситуацию как на распадение множества [Соловар, 2018], а также парой наречий *сарэлта* ‘спереди’ / *пырэлта* ‘сзади’.

- (7) *Ѕѳнтэ́т тьэ́т рутьэ́ты* (Голоса Югана, с. 132).

Ѕѳнт=э́т   чэ́т   руч=э́т=ы
бежать=SUBJ.3PL   здесь   русский=PL=ABL
‘Убежали от русских’.

- (8) ...ма *нўнати* э́нтэ́ йѳвэ́тлэ́м (Голоса Югана, с. 91).

ма=∅   нўнат=ы   э́нтэ́   йѳвэ́т=лэ́м
я=NOM   ты=DAT   NEG   приходиться=NPST=1SG
‘...я за тобой не попеваю’.

Заключение

Проведенный анализ позволяет представить локализаторы как одну из подсистем средств выражения пространственных значений в СДХЯ. В составе локализатора, в зависимости от его структурного типа, наиболее последовательно кодируется часть из следующего набора аспектов пространственной ситуации: 1) опора локализации; 2) топология; 3) динамический аспект. Эти компоненты обозначены эксплицитно и отдельно в именных группах с серийными послелогами и комплексных локализаторах. В других случаях наблюдается имплицитное выражение опоры локализации или топологии, а также совмещение топологического и динамического аспекта в рамках одной морфемы. Наиболее регулярное выражение получает, таким образом, динамический аспект. В терминах Л. Талми это показывает регулярное выражение в составе локализатора как минимум части компонента *маршрут* (англ. path), характеризующего местоположение или движение предметов по отношению друг к другу.

Выражение параметров пространственного отношения в составе локализатора обеспечивается двумя типами специализированных структурных компонентов: 1) основами с пространственной семантикой, относящимися к разным частям речи; 2) словообразовательными и словоизменительными аффиксами. Среди основ центральное место занимают основы послелогов,

прилагательных, превербов и наречий, обозначающие базовые разновидности топологий и обладающие широкой сочетаемостью с разными вариантами динамического аспекта. Словообразовательные и словоизменительные аффиксы, приведенные в табл. 5, образуют однотипные ряды оппозиций из четырех компонентов, охватывающие широкий круг типов локализаторов.

Так как локализаторы составляют только один из компонентов пространственных предложений, то построение полной картины требует сопоставления устройства локализаторов с устройством предикатов, которое покажет, в какой степени их значения дополняют и дублируют друг друга, а также как в СДХЯ выражаются значения, не охватываемые семантикой локализатора. Поскольку, как было показано, многие типы локализаторов имеют сходную семантику, то потенциальным предметом дальнейших исследований в этой области является также сопоставление стратегий употребления разных типов локализаторов с близкими значениями в зависимости от контекста коммуникации и экстралингвистических параметров, таких как говор, жанр текста, степень владения языком и т. п.

Список сокращений

СДХЯ — сургутский диалект хантыйского языка

Используемые при записи моделей

ADJ — прилагательное
ADV — наречие
AFF — словообразовательный аффикс
DIN — динамический аспект отношения
N — существительное
POSTP — послелог
PRO — местоимение
REF — опора локализации
TOP — топология отношения

Используемые при глоссировании примеров

∅ — нулевой аффикс
1 — 1-е лицо

3 — 3-е лицо
ABL — отложительный падеж
APPRX — общенаправительный падеж
DAT — дательный падеж
EVID — показатель эвиденциальности
LAT — направительный падеж
LOC — местный падеж
NEG — показатель отрицания
NOM — основной падеж
NPST — непрошедшее время
PASS — страдательный залог
PL — множественное число
POSSM — обладаемое
POSSR — обладатель
SG — единственное число
SUBJ — субъектное склонение
TRANSL — превратительный падеж

Список источников

Голоса Югана — Балалаева О. Э., Сурломкина Е. П., Уигет Э. О. Голоса Югана. Сборник фольклора Йавэн-йах. Сургут: Печатный мир г. Сургут, 2021. 140 с.

КРХС — Волкова А. Н., Соловар В. Н. Краткий русско-хантыйский словарь (сургутский диалект) / Отв. ред. А. С. Сопочина. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2016. 100 с.

Сказки, рассказы с реки Лямы — Лимэңи йёвтэм моньтэят, ясэят (Сказки, рассказы с реки Лямы): фольклорный сборник на языке сургутских ханты / Сост. А. С. Песикова, А. Н. Волкова; ред. Н. А. Белова. Ханты-Мансийск: Юграфика, 2013. 328 с.

Три мудрых совета: сказки Полины Иудовны Нюгломкиной. На сургутском диалекте хантыйского языка с переводом на русский язык / Отв. ред. А. С. Сопочина (Песикова). Новосибирск: Гео, 2020. 24 с.

Чепреги М. Сказки и рассказы сургутских ханты: фольклорный сборник / Под ред. А. С. Песиковой. Тюмень: Формат, 2015. 118 с.

Список литературы

Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. М.: Русский язык, 1983. 198 с.

Грамматикализация пространственных значений в языках мира // Исследования по теории грамматики / Под ред. В. А. Плунгяна. Вып. 2. М.: Русские словари, 2002. 294 с.

Кибрик А. Е. К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) // Язык и человек. Сборник статей памяти профессора Петра Саввича Кузнецова (1899–1968). М.: МГУ, 1970. С. 110–157.

Кошкарева Н. Б. Бытийно-пространственные типовые синтаксические структуры и их семантика в хантыйском и ненецком языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 9. С. 53–65. DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-9-53-65

Кошкарева Н. Б. Послелогии хантыйского языка (на материале казымского диалекта) // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Вып. 1. Новосибирск, 1996. С. 45–60.

Кошкарева Н. Б. Синтаксические средства выражения пространственных отношений (на материале уральских и тунгусо-маньчжурских языков Сибири) // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск, 2005. С. 74–117.

Майтинская К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982. 185 с.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Том II. Москва; Вена: Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 1998. 544 с.

Невская И. А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск, 2005. 305 с.

Серээдар Н. Ч., Скрибник Е. К., Черемисина М. И. Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: НГУ, 1996. 82 с.

Соловар В. Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Йошкар-Ола: Любава, 2009. 264 с.

Соловар В. Н. Особенности семантики хантыйских глаголов с превербом *ара* // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 3. С. 470–478.

Соловар В. Н. Преверб *tāra/мухты/мувты* 'насквозь' в обско-угорских языках // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 1 (56). С. 96–104.

ТФГ — Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. Под ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. 229 с.

Чепрези М. Сургутский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2017. 276 с.

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1988. 54 с.

Creissels D. Encoding the distinction between location, source and direction: a typological study // Space in languages: linguistic systems and cognitive categories / ed. by M. Hickmann and S. Robert. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2006. P. 19–28.

Creissels D. Spatial cases // The Oxford handbook of case / ed. by A. L. Malchukov and A. Spencer. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 609–625.

Levinson S. C. Language and space // Annual Review of Anthropology. 1996. Vol. 25. P. 353–382.

Svorou S. The grammar of space. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1994. 290 p.

Talmy L. Semantics and syntax of motion // Syntax and Semantics. Vol. 4. New York: Academic Press, 1975. P. 181–239.

Talmy L. Toward a cognitive semantics. Vol. 1: Concept structuring systems. Cambridge, MA: The MIT Press, 2000. 495 p.

Sources

Balalayeva O. E., Surlomkina E. P., Wiget E. O. Golosa Yugana. Sbornik fol'klora Yaven-yakh [Voices of Yugan. A collection of Yaven-yakh folklore]. Surgut, Pechatnyy mir g. Surgut, 2021. 140 p.

Csepregi M. Skazki i rasskazy surgutskikh khanty: fol'klorny sbornik [Fairy tales and stories of the Surgut Khanty: a collection of folklore]. Ed. by A. S. Pesikova. Tyumen, Format, 2015, 118 p.

Skazki, rasskazy s reki Lyamy: fol'klorny sbornik na yazyke surgutskikh khanty [Fairy tales, stories from the Lyama River: a collection of folklore in the language of Surgut Khanty]. Comp. A. S. Pesikova, A. N. Volkova, ed. by N. A. Belova. Khanty-Mansiysk, Yugrafika, 2013. 328 p.

Tri mudrykh soveta: skazki Poliny Iudovny Nyuglomkinoy. Na surgutskom dialekte khantyyskogo yazyka s perevodom na russkiy yazyk [Three pieces of wise advice: the tales of Polina Yudovna Nyuglomkina. In the Surgut dialect of the Khanty language with translation into Russian]. Ed. by A. S. Sopotchina (Pesikova). Novosibirsk, Geo, 2020. 24 p.

Volkova A. N., Solovar V. N. Kratkiy russko-khantyyskiy slovar' (surgutskiy dialekt) [A brief Russian-Khanty dictionary (Surgut dialect)]. Ed. by A. S. Sopotchina. Khanty-Mansiysk, Yugorskiy format, 2016. 100 p.

References

Arutyunova N. D., Shiryaev E. N. Russkoe predlozhenie. Bytiynny tip: struktura i znachenie [Russian sentence. Existential type: structure and meaning]. Moscow, Russkii yazyk, 1983. 198 p. (in Russ.)

Creissels D. Encoding the distinction between location, source and direction: a typological study. In: Space in languages: linguistic systems and cognitive categories. Ed. by M. Hickmann and S. Robert. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2006. Pp. 19–28.

Creissels D. Spatial cases. In: The Oxford handbook of case. Ed. by A. L. Malchukov and A. Spencer. Oxford, Oxford University Press, 2008. Pp. 609–625.

Csepregi M. Surgutskiy dialekt khantyyskogo yazyka [The Surgut dialect of the Khanty language]. Khanty-Mansiysk, Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk, 2017. 276 p. (in Russ.)

Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 2: Grammatikalizatsiya prostranstvennykh znacheniy v yazykakh mira [Studies in the theory of grammar. Vol. 2: Grammaticalization of spatial meanings in the languages of the world]. Ed. by V. A. Plungyan. Moscow, Russkiye slovari, 2002. 294 p. (in Russ.)

Kibrik A. E. K tipologii prostranstvennykh znacheniy (na materiale padezhnykh sistem dagestanskiykh yazykov) [Towards a typology of spatial meanings (based on the case systems of Dagestani languages)]. In: Yazyk i chelovek. Sbornik statey pamyati professora Petra Savvicha Kuznetsova (1899–1968). Moscow, MSU Press, 1970. Pp. 110–157. (in Russ.)

Koshkareva N. B. Bytiyno-prostranstvennye tipovye sintaksicheskiye struktury i ikh semantika v khantyyskom i nenetskom yazykax [Typical existential-spatial syntactic structures and their semantics in the Khanty and Nenets

languages]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 9, pp. 53–65. (in Russ.) DOI: 10.25205/18187919-2018-17-9-53-65

Koshkareva N. B. Poslelogi khantyyskogo yazyka (na materiale kazym-skogo dialekta) [Postpositions of the Khanty language (based on the Kazym dialect)]. In: *Yazykovyye yedynitsy v semanticheskom i leksikograficheskom aspektakh* [Language units in semantic and lexicographic aspects]. Iss. 1. Novosibirsk, 1996. Pp. 45–60. (in Russ.)

Koshkareva N. B. Sintaksicheskiye sredstva vyrazheniya prostranstvennykh otnosheniy (na materiale ural'skikh i tunguso-man'chzhurskikh yazykov Sibiri) [Syntactic means of expressing spatial relations (based on the Uralic and Tungusic languages of Siberia)]. In: *Puti formirovaniya lingvisticheskogo landshafta Sibiri* [The formation of the linguistic landscape of Siberia]. Novosibirsk, 2005. Pp. 74–117. (in Russ.)

Levinson S. C. Language and space. *Annual Review of Anthropology*, 1996, vol. 25, pp. 353–382.

Maytinskaya K. E. Sluzhebnyye slova v finno-ugorskikh yazykakh [Function words in Finno-Ugric languages]. Moscow, Nauka, 1982. 185 p. (in Russ.)

Mel'chuk I. A. Kurs obshchey morfologii [General morphology course]. Vol. II. Moscow; Vienna, Yazyki russkoy kul'tury, Venskiy slavisticheskiy almanakh, 1998. 544 p. (in Russ.)

Nevskaya I. A. Prostranstvennyye otnosheniya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri (na materiale shorskogo yazyka) [Spatial relations in the Turkic languages of Southern Siberia (based on the Shor language)]. Novosibirsk, 2005. 305 p. (in Russ.)

Sereedar N. Ch., Skribnik E. K., Cheremisina M. I. Strukturno-semanticheskaya organizatsiya predlozhenii nalichiya, lokalizatsii, kolichestva i otsutstviya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri [Structural and semantic organization of sentences of presence, localization, quantity, and absence in the Turkic languages of Southern Siberia]. Novosibirsk, NSU Press, 1996. 82 p. (in Russ.)

Shmeleva T. V. Semanticheskiy sintaksis: tekst leksii iz kursa «Sovremennyy russkiy yazyk» [Semantic syntax: text of lectures from the course on the Modern Russian language]. Krasnoyarsk, KSU Press, 1988. 54 p. (in Russ.)

Solovar V. N. Osobennosti semantiki khantyyskikh glagolov s preverbom *ara* [Features of the semantics of Khanty verbs with the preverb *ara*]. *Bulletin of Ugric Studies*, 2018, vol. 8, no. 3, pp. 470–478. (in Russ.)

Solovar V. N. Paradigma prostogo predlozheniya v khantyyskom yazyke (na materiale kazymskogo dialekta) [The paradigm of the simple sentence in the Khanty language (based on the Kazym dialect)]. Yoshkar-Ola, Lyubava, 2009. 264 p. (in Russ.)

Solovar V. N. Preverb *tāra/mukhty/muvty* ‘naskvoz’ v obsko-ugorskikh yazykakh [The preverb *tāra/mukhty/muvty* ‘through’ in the Ob-Ugric languages]. *Bulletin of Ugric Studies*, 2024, vol. 14, no. 1 (56), pp. 96–104. (in Russ.)

Svorou S. The grammar of space. Amsterdam; Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 1994. 290 p.

Talmy L. Semantics and syntax of motion. In: *Syntax and Semantics*. Vol. 4. New York, Academic Press, 1975. Pp. 181–239.

Talmy L. *Toward a cognitive semantics*. Vol. 1: Concept structuring systems. Cambridge, MA, The MIT Press, 2000. 495 p.

TFG — Teoriya funktsional’noy grammatiki. Lokativnost’. Bytiynost’. Possessivnost’. Obuslovlennost’ [Theory of functional grammar. Locativity. Existence. Possession. Conditionality]. Ed. by A. V. Bondarko. Saint Petersburg, Nauka, 1996. 229 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Илья Михайлович Плотников, кандидат филологических наук

Information about the Author

Ilya M. Plotnikov, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 30.04.2026;
одобрена после рецензирования 05.05.2026; принята к публикации 14.05.2026
The article was submitted on 30.04.2026;
approved after reviewing on 05.05.2026; accepted for publication on 14.05.2026*